

СУДЕБНЫЕ ПРЕНИЯ

23. 07. 1987

Слово взял государственный обвинитель Юрий Шадрин (полностью из [1]). Он говорил очень жестко, подчас в резкой форме. Обвинитель с первых слов определил, что авария на ЧАЭС самая серьезная в мире. Поведение Брюханова, Фомина, Лаушкина рассматривалось как «пример безответственности». Программа ночных испытаний квалифицировалась как «поразительная по своей непродуманности». Установленная перед испытаниями кнопка МПА - «самodelка».

Характеризуя отдельных участников работы **Ю. Шадрин** отмечал:

«**Топтунов** был слабый специалист. Редко какой СИУР допустил бы такой провал мощности.

Акимов - специалист, но мягкий и нерешительный».

В отношении **Дятлова**: «Грамотный, но неорганизованный и неисполнительный. Жесткий. Акимов побаивался Дятлова». И вывод: «Преступная самодеятельность Дятлова». И еще раз о Дятлове: «Его обман с претензией на научность».

О **Рогожкине**: «Он обвиняется не в действиях, а в бездействии. У него - нормативный нигилизм».

Обвинение директору: «Нет никаких оснований считать, что Брюханов не знал истинной радиационной обстановки». И совсем уже жестокая констатация: Все случившееся объясняется как: «Нравственное падение Брюханова, как руководителя и человека».

Близко к этому и следующий вывод: «Дятлов бездумно ломал каноны и заповеди ядерной безопасности».

Мы уже отмечали, что подсудимые отрицали правомерность применения к ним статьи Уголовного кодекса УССР о нарушении правил техники безопасности на взрывоопасном предприятии. И вот, наконец, государственный обвинитель поясняет правомерность такой статьи. Оказывается, что соответствующее толкование о том, что такое взрывоопасное предприятие, содержится не в каких-то документах, которыми пользуются работники атомных электростанций, а в принятом когда-то постановлении Пленума Верховного суда СССР.

И лишь от одного обвинения в адрес Н. Фомина отказался Ю. Шадрин, ныне заместитель Генерального прокурора СССР. Бывший главный инженер не должен привлекаться к ответственности по статье 165 часть 2 за неверную информацию о радиационной обстановке, которая поступила в вышестоящие инстанции в качестве официального документа. Фомин к этому на самом деле никакого отношения не имел.

Но продолжим цитирование, характеризующее тональность речи государственного обвинителя: «Кто-то должен был остановить зарвавшихся экспериментаторов».

Прокурор «бил» жестко, не оставляя возможностей для оправдания. Вместе с тем, он достаточно подробно и технически грамотно представил всю картину, последовательность развития аварии. Но эту часть дела мы уже изложили раньше. Сейчас нам важно показать эмоциональную характеристику обвинения.

В заключение прокурор предложил суду меру наказания обвиняемых. Брюханову, например, по статье 220 часть 2 - десять лет лишения свободы с содержанием в местах заключения общего режима и по статье 165 - 5 лет. А по совокупности - 10 лет в лагере общего режима.

После такого обвинительного акта, не легко оказалось исполнить свою задачу адвокатам. Представим некоторые фрагменты их выступлений.

Адвокат Брюханова:

Начал свою речь с того, что подчеркнул, как тяжело защищать подсудимого от неконкретных обвинений. Что было раньше? ЧАЭС считалась одной из лучших. Ее работу часто проверяли и никто из инспекторов никогда не бил тревоги по поводу работы станции.

Брюханов лично не нарушал правил ядерной безопасности, хотя и не обеспечил должного руководства ЧАЭС. Действия директора не явились прямой причиной аварии. Он берет на себя вину, как порядочный человек. Практически же Брюханов не участвовал в подготовке и проведении эксперимента.

Брюханов не посылал людей на гибель, а послал на 4-й энергоблок двух руководителей, чтобы они узнали обстановку и вывели лишних людей с места аварии. Дозы радиации ему представили специалисты станции Красножен и Коробейников. Умышленное преступление со стороны Брюханова на суде не подтвердилось. Нет обоснованности и в том, что директор виновен в причинении людям ущерба для их здоровья.

В лице Брюханова мы имеем дело более с несчастным, чем с виновным человеком.

Адвокат Фомина.

Против статьи 220 часть 2 у него возражений не возникло. Фомин признал свою вину, раскаялся. Что

касается статьи 165 части 2, связанной с злоупотреблением служебным положением, то этого не было. Просил учесть некомпетентность Фомина в вопросах ядерной энергетики. Сказал, что назначение обвиняемого на должность главного инженера атомной электростанции - это просчет Минэнерго СССР. Сам Фомин полагался на своих заместителей Лютова и Дятлова. Повлияло и незнание конструктивных недостатков РБМК. Он считал их технически совершенными. Попытки подсудимого изменить структуру управления АЭС в министерстве не поддержали. Надо учесть и то, что он перед аварией был серьезно болен. При таких обстоятельствах ему требовалось проситься в отставку, а министерству поддержать ее. Он не может быть осужден по статье 165. Он не превышал своих полномочий, не посылал людей работать в высоких радиационных полях. Есть примеры обратного порядка, когда Фомин снимал персонал с опасных участков.

Адвокат Дятлова.

По мнению защитника, органы расследования усилили степень вины Дятлова. Они, сказали «а», но не сказали «б». И ряд аспектов его поведения не нашли в суде доказательств. Подчеркнуто, что решать судьбу подсудимого невозможно без психологического исследования ситуации. Сам Дятлов, в ходе судебных заседаний, пытается выяснить: в чем же все-таки его вина? Ведь прямолинейно на нарушения он не шел. Причем, он ведь не стремится уйти от ответственности. Но у него есть желание понять, как же это все произошло.

Жизненное кредо Дятлова - правда! Это доказано всей его предыдущей жизнью. Следствием не установлено ни одного конкретного факта, когда бы бывший заместитель главного инженера толкнул кого-то на нарушение регламента. Все обвинения в его адрес на самом деле не имеют ни времени, ни места действия. Что конкретно он нарушил? Когда? Многие обвинения не соответствуют положениям процессуального кодекса и их надо исключить.

Возьмите программу проведения эксперимента. Кто разрабатывал эту программу? Нет, не Дятлов. Да, он ее подписал. Но ведь он не главный из тех, кто этот документ завизировал. Отдел ядерной безопасности атомной станции тоже знал об этих испытаниях, но ничего не сделал для исполнения своих обязанностей.

Нам так и не известно, кто же вывел из работы автоматическую защиту (АЗ-5) по некоторым параметрам. Никаких доказательств того, что это сделано Дятловым, нет. А никакие нормы закона не позволяют нам выдавать предположение за факт.

Адвокат, кроме того, уверен, что бывший заместитель главного инженера действительно не знал о провале мощности реактора и что в это время он, действительно, отсутствовал на щите управления.

Подсудимый винит себя в том, что разрешил эксплуатацию реактора на мощности в 200 мвт тепловых. Вот в чем его вина. Но он опять же и не знал, что мощность аппарата падала до нулевого показателя. Это ему стало известно лишь здесь, на суде. Нельзя обвинять Дятлова и в том, что он якобы заставил людей работать в условиях высокой радиации. Он не посылал на смерть ни Акимова, ни Топтунова. Они вместе, коллегиально решали, что же им делать.

Вообще, когда мы решаем вопрос о наказании подсудимого, то в первую очередь надо иметь в виду его личность, продолжал адвокат. Человек не перелицовывается как одежда. У него прекрасные характеристики по прежнему месту работы. И вдруг, по приезде в Чернобыльский регион, он стал жестким и авантюристом. Такого не было.

А отвечать за произошедшее должны в первую очередь люди, отвечающие на ЧАЭС за ядерную безопасность. Надо помнить и о том, что Дятлов получил большую дозу ионизирующего облучения и сейчас, на суде, он является инвалидом второй группы.

Адвокат Рогожкина.

Защитник убеждает суд в том, что прямой причинной связи между действиями начальника смены АЭС и аварией нет. Оперативный персонал 4-го энергоблока даже не сообщил Рогожкину ни о провале мощности реактора, ни о том, что они ее подняли. А по приборам, которые есть на центральном щите управления, начальник смены станции не мог этого определить. Не было здесь и какого-то табло, оперативно показывающего наличие количества стержней-поглотителей в активной зоне. Что касается своевременности объявления о произошедшей аварии, то адвокат доказывает, что Рогожкин сделал это оперативно. Инструкция же и не предполагает личного доклада дежурного по АЭС, по таким сообщениям, ни директору станции, ни другим должностным лицам. Все это делает телефонистка.

Адвокат опровергает буквально все обвинения, выдвинутые против Рогожкина, и призывает вообще не выносить в отношении его обвинительного приговора из-за отсутствия состава преступления.

Адвокат Коваленко.

Опровергая все пункты обвинения, защитник делает окончательный вывод:

- Считаю, что обвинение по всем пунктам не нашло подтверждения в судебном заседании.

Обращается внимание на то, что Коваленко в результате радиационного облучения долго болел и в настоящее время по медицинскому заключению не может трудиться на АЭС.

Адвокат Лаушкина.

Он заявил, что в отношении Лаушкина должен быть вынесен оправдательный приговор. Все обвинения в адрес этого подсудимого неконкретны. Объективно нет никакой причинной связи, которая бы оправдывала осуждение Лаушкина.